

Н. К. Рябцева (Институт языкознания РАН)

N. K. Riabtseva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Метакогнитивная рефлексия и коммуникация¹

Metacognitive awareness and communication

Аннотация

В статье показана роль рефлексии в выделении метакогнитивных состояний и процессов, их содержания, структуры, взаимосвязей и особенностей их вербализации. Отмечается, что исходным и прототипическим когнитивным противопоставлением выступает соотношение «знать — не знать», что производные от него метакогнитивные состояния и процессы отражают континуум ментальных состояний, которые находят в языке многообразное выражение, описание, характеризацию и градацию. Особое внимание уделяется роли метакогнитивных процессов в коммуникации вообще и в ее «проспективизации», в частности. Показано, что именно в коммуникации проявляется асимметрия в оппозиции «знаю» — «не знаю» и в связанных с ней психологических состояниях, а также в их вербализации. Она объясняется связью состояния «не знаю» с неуверенностью, сомнениями и др. состояниями «психологической и эмоциональной нестабильности», тогда как состояние «знания» придает говорящему уверенность в своих словах, делах и поступках. В заключение подчеркивается, что именно язык является важнейшим средством изучения ментальных процессов, в том числе происходящих в процессе коммуникации.

The paper shows that reflexion helps identify metacognitive states and processes, their contents, structure, interconnections and ways of verbalization. It argues that the cognitive opposition «to know – not to know» is a fundamental and prototypical one, generates a continuum of derivative metacognitive states that have multiple ways of expression, description, characterization, and gradation in language and speech. Special attention is paid to the role that metacognition plays in communication, and, in particular, in its prospecting. It is shown that there is

¹ Работа выполнена частично при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-012-00736 А.

a communicative asymmetry in this respect between the psychological states connected with the metacognitive states of «knowing» and «not knowing (what to do)» and their verbalization. Thus, the latter tends to provoke doubt, hesitation and similar states of psychological and emotional instability, while knowledge makes the speaker sure of what he says and does. In conclusion, it is noted that human language is a most informative means of detecting mental processes, particularly connected with communication.

Ключевые слова

Метакогнитивная рефлексия, коммуникативная асимметрия, «проспективизация» коммуникации, интеграция рационального и эмоционального в коммуникации

Metacognitive reflection, communicative asymmetry, prospecting communication, integrating the rational and the emotional in communication

Н. Д. Арутюнова в своей работе «Речеповеденческие акты и истинность» подчеркивала, что истинностная оценка очень важна для практического мышления, является ключевым понятием для знания, тесно связана с коммуникативным поведением и превращает иррациональное понимание — в рациональное, а «интуицию — в **рефлексию**» [3, 3].

Исходные положения

Рефлексия, когнитивные состояния и коммуникация

1. Рефлексия занимает гораздо более важное место в мыслительной и коммуникативной деятельности, чем это принято считать. Кроме того, она позволяет выделять метакогнитивные состояния и процессы, противопоставлять их собственно когнитивным и устанавливать их роль в речемышлительной и коммуникативной деятельности.

2. Рефлексия над собственной мыслительной деятельностью заключается в следующих процедурах: (1) осознание «текущего» когнитивного состояния; (2) явная, *эксплицитная характеристика* текущего когнитивного состояния, а также его проверка, оценка, намеренное изменение и т.п. Ср. «Meta-awareness is our ability to take *explicit note* of the

current contents of consciousness... and an *ongoing* attempt to plan, check, monitor, select, revise, evaluate, etc. thinking processes» [26, 323] (Выделено нами — Н. Р.).

3. Рефлексия над собственной мыслительной деятельностью позволяет: (1) отличать метакогнитивные процессы и состояния от собственно когнитивных; (2) разделить метакогнитивные процессы и состояния на прототипические и производные; (3) установить роль, которую играют метакогнитивные процессы и состояния в языке, коммуникации и познании; (4) показать связь когнитивных состояний с психологическими, эмоциональными и коммуникативными, которая непосредственным образом проявляется в прагматическом и дискурсивном контексте. Ср. осознание и выражение сомнения и неуверенности: *не думаю (что у меня получится) — сомневаюсь — не решаюсь — даже не знаю, как поступить!* и др.; (5) выявить асимметрию метакогнитивных состояний.

При этом естественный язык является «естественным» и наиболее информативным средством изучения рефлексии.

Рефлексия и метакогниция в психологии

Рефлексия всегда привлекала внимание мыслителей еще со времен античной философии, в частности, Аристотель определял рефлексию как «мышление, направленное на мышление». Этот феномен человеческого сознания изучается философией, психологией, логикой, педагогикой и т.д. Рефлексия (от позднелат. *reflexio* — ‘обращение назад’) — это одна из разновидностей актов сознания человека, а именно акт сознания, обращенного на свое *знание*, а также *мышление* и связанные с ними явления. Так, по Дж. Локку, это «наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность».

В современных психологических направлениях различается более тридцати типов, видов и уровней рефлексии [18], между которыми нет четких различий. Ср. «Метакогнитивные способности — это интеллектуальные качества, ответственные за непроизвольную и произвольную саморегуляцию интеллектуальной деятельности» [16, 714]. «Метакогнитивная» проблематика стала впервые разрабатываться в когнитивной психологии. Так, в [20; 21] были введены понятия метакогнитивных аспектов решения проблем, в [17]

— понятия контроля над своими знаниями, управления познанием и др. В целом изучение метакогнитивных состояний и умений связано с комплексом теорий, понятий и явлений: theory of mind (understanding the mind and the «mental world»), metamind-wandering, metacognitive monitoring capacity и др. (см., например, [22; 25]). В них раскрываются способности человека идентифицировать свои и чужие ментальные состояния. В настоящее время в когнитивной психологии в центре внимания стоят проблемы изучения метакогнитивных состояний при нарушении функций сознания, особенно у детей: аутизм, афазия и т.п. [24; 7].

В отличие от психологии, лингвистика обладает инструментом раскрытия и противопоставления содержания понятий — толкованием, которое позволяет сравнивать различные явления и процессы, в том числе рефлексии, порождаемые ею метакогнитивные процессы и т.д. Так, субъект речи осознает свое мыслительное состояние (т.е. находится в состоянии рефлексии), когда говорит: *Я знаю, помню, не представляю, не понимаю, сомневаюсь* и т.п., каждое из которых при его экспликации — вербализации — становится «метакогнитивным». Помимо автореферентных высказываний, языковые средства вербализации метакогнитивных состояний включают целый ряд смежных и сходных конструкций.

Метакогнитивные процессы и языковые средства их вербализации

Метакогнитивные состояния, процессы, операции и т.д. отличаются от собственно когнитивных в трех существенных отношениях: (1) они носят рефлексивный характер; (2) разделяются на прототипические и производные, (3) играют особую роль в языке, познании и коммуникации, что объясняется их интенциональным характером [12]. Языковые средства экспликации и вербализации метакогнитивных состояний отличаются многообразием и включают следующие коммуникативными значимые модели и конструкции:

1. Средства апелляции к собственным ментальным состояниям, ср. *Помню древние ворота И конец пути – Там со мною шедший кто-то Мне сказал: Прости* (А. Ахматова).

2. Средства апелляции к текущим когнитивным состояниям собеседника: **Ты не знаешь (не видел)**, куда пошел Ваня? **Вспомни**, где ты был вчера!; **Когда ты это понял?** **Что думаешь** об этом? Примеры: *Да я полагаю, что у него и удостоверения никакого не было! Как ты думаешь?* — обратился Коровьев к Бегемоту (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Как вы думаете, Максим Максимыч!* — сказал он мне, показывая подарки, — *устоит ли азиатская красавица против такой батареи?* (М. Лермонтов. Герой нашего времени).

3. Языковые средства идентификации, описания, квалификации и интерпретации проявления метакогнитивных состояний в поведении, выражении лица, в речи и коммуникации: *отсутствующий взгляд, внимательно следить, отказываться признавать* и мн. др. Чаще всего их идентификацию и интерпретацию производит наблюдатель, ср. *Я отказываюсь признавать (свою ошибку) vs. Он отказывается признавать (свою ошибку)*. Примеры: *Секретарь перестал записывать и исподтишка бросил удивленный взгляд, но не на арестованного, а на прокуратора; Пилат... послал Иешуа в своем взгляде какую-то мысль, которую как бы хотел внушить арестанту* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Прототипическое — производное в метакогнитивных состояниях

Естественный язык показывает, что рефлексия субъекта над своими мыслительными состояниями и умственной деятельностью отличает метакогнитивные процессы и состояния от собственно когнитивных. Исходным объектом рефлексии при этом выступают простые, наиболее значимые и потому прототипические когнитивные состояния. В отличие от всех прочих когнитивных характеристик субъекта познания, его исходные метакогнитивные состояния содержат в своей структуре противопоставление, которое, собственно, и является объектом рефлексии. Так, маркерами исходных, прототипических метакогнитивных состояний служат следующие эксплицитно и прямо выражающие текущую «когнитивную рефлексию» выражения-противопоставления:

знаю — не знаю (ср. название статьи: *Knowing what you know and what you don't: further research on metacognitive knowledge monitoring* [27]);

помню — не помню (ср. «Только благодаря памяти возможна целенаправленная деятельность человека» [8]) и др.

Элементарным, главным и фундаментальным объектом рефлексии выступает состояние «знать». Вместе с противоположным ему — «не знать» — и смежными состояниями оно отражается при помощи прямо, косвенно, производно или синкретично присутствующих смыслов в значении большого количества лексических и даже грамматических единиц и выражений самого разнообразного качества, ср. *помню — не припомню, думаю — не задумывался* и т.п.

Рефлексия и смысл «знать»

Смысл 'знать' принадлежит к числу фундаментальных смыслов, формирующих большую часть лексической системы языка [2]. Помимо глагола *знать* — его прототипического представителя — он входит в состав следующих групп лексем: глаголов восприятия (*увидеть, услышать*), приобретения знания (*выучить, выяснить*), передачи информации (*сообщить, уведомить, известить*), обнаружения ч.-л. (*найти, наткнуться, открыть* (заговор \approx 'в результате поисков начать знать'), сохранения / восстановления знания (*вспомнить*), информирования (*объявить*), установления / измерения (*выяснить* еще некоторые факты (\approx 'начать знать еще некоторые факты'), *определить, взвесить*), ожидания (*ждать*), утраты (*потерять* — «не знать, где находится», *забыть*), потери пути (*заблудиться*), непреднамеренной ошибки (*заблуждаться*), предвидения (*предугадывать*), введения в заблуждение (*обманывать, лгать*) и мн. др., а также в состав лексики всех других частей речи с соответствующим значением, ср. «не знать» — *вопрос, секрет, тайна*; «сообщать» — *донесение, новость, сообщение, известие, известно, интересно, любознательный; где, когда, почему* и т.д., наречия типа *кто-то, что-то, какой-то, где-то, куда-то, когда-то, зачем-то, почему-то* и мн. др.: *Он куда-то уехал* \approx 'Он уехал; говорящий не знает точно, куда он уехал' и др. Лексема *знать* имеет элементарное значение и не толкуется; она указывает на то, что человек имеет истинную информацию об объекте или явлении, полученную из определенного источника [2]. (Элементарным значением обладают, видимо, также лексемы *быть, делать, иметь* и др.).

Множество дискурсивных моделей и выражений с глаголом *знать* свидетельствует о том, что в подобных конструкциях глагол *знать* превращается в частицу или образует клише: *Знаешь что*, давай не шутить на эти темы; *Знай*, что она тебя любит; *Так знай же*, что не будет тебе отныне покоя! Ты спрашиваешь, можно ли ему доверять? *Не знаю, не знаю...*; разг. *А он знай себе* заливается; *Знать*, любить не рука / Мужику-вахлаку да дворянскую дочь. Ср. *знать* отрицательного отношения (недоверия) говорящего к объекту: \downarrow *Знаю я его*, \downarrow *Знаю я вас*; *Знаю я это Горелово*. О, медвежий угол! (М. Булгаков); ср. нарративное *знать*: Эти племена не *знали* лука и стрел; Наша наука *знала* времена подъема и упадка, не *знать* колебаний, не *знать* поражений, История *знает* немало случаев такого рода [2].

О значении состояния «знать» в жизни человека и его осознания говорит тот факт, что соответствующий корень имеет также огромное словообразовательное гнездо: *узнать, прознать, признать, прознать, разузнать, обознаться, признаться* и т.п. Также в языке много устойчивых словосочетаний, выражений и фразеологизмов, показывающих роль рефлексии в обыденном сознании и общении: *знать заранее, точно, наверняка, не понаслышке, Знать не знаю, ведать не ведаю!, Точно не знаю!, Знаю я тебя! Знаю без тебя!, Я тебя хорошо знаю!* Примеры: «—*Знаю, братец, знаю без тебя!* - сказал штабс-капитан»; *О, я тебя хорошо знаю!* (М. Лермонтов. Герой нашего времени).

При этом в коммуникации особое значение приобретает смысл «не знать», поэтому в речи оппозиция «знаю — не знаю» носит асимметричный характер (см. об этом ниже).

Производные метакогнитивные состояния

Производные от прототипических представлений субъекта о своих (и чужих) метакогнитивных состояниях отражают оппозицию «знание — мнение». Важнейшей чертой противопоставления *знаю vs. считаю, что Р* выступает то, что между ними существует континуум переходных случаев, которые находят в языке многообразное выражение, описание, характеристику и градацию: *наверняка / едва знаю, абсолютно уверен, сильно сомневаюсь, совсем не представляю, просто не верю, искренне надеюсь* и т. п.

Их отличительной чертой выступает «соединение», «интеграция» знания и мнения (оценки, интерпретации), а также то, что способы объективации и вербализации соответствующей комбинации чрезвычайно разнообразны, поскольку способны выражать еще целый комплекс дополнительных психологически и эмоционально связанных смыслов: *с трудом представить / понять, терзаться сомнениями, мучительно вспоминать, искренне заблуждаться, наивно считать / полагать, обмануться* и т. п. Примеры: *I am very ignorant about politics* (Longman); *Набожная, а откровеннее сказать – суеверная, Анфиса так напрямик и заявила очень расстроенной Анне Францевне, что это колдовство и что она прекрасно знает, кто утащил и жильца и милиционера, только к ночи не хочет говорить* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Бешимет всегда изорванный, в заплатках, а оружие в серебре. А лошадь его славилась в целой Кабарде, — и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно* (М. Лермонтов. Герой нашего времени).

Взаимосвязь метакогнитивных состояний

Взаимосвязь между сходными и смежными (мета)когнитивными состояниями, а также «континуальность» самих ментальных состояний и операций проявляется, в частности, в случаях, когда одно многозначное слово в различных контекстах отражает и тем самым интегрирует различные (мета)когнитивные состояния, как, например, англ. *mind* [13], ср.:

absent-minded — «forgetful»,

keep / bear smth in mind — «in memory»,

pay sb / smth no mind — «attention»,

to set / change one's mind — «opinion»,

be in two minds about smth — «be doubtful»,

On reflexion you will change your mind — «thinking»,

You are always on my mind — «in my thoughts».

Приведенные примеры показывают, что все метакогнитивные состояния и процессы, как прототипические, так и производные, тесно между собой связаны, предопределяют друг друга и прямо или косвенно связаны с исходным противопоставлением «знаю —

не знаю», а также подразумевают определенные психологические состояния, ср. «You are *always on my mind*».

Так, *знать* и *помнить* — почти одно и то же, ср. *знал, но забыл*. Для того, чтобы запомнить, часто специально предпринимают усилия и сосредотачивают на этом внимание, ср. *постараюсь запомнить, надо запомнить, не забудь, как бы не забыть*. Это объясняется тем, что разумная деятельность человека, его поведение и отношение к другим людям основано на том, что он знает и помнит: кто он, кто окружающие его люди, как следует себя вести с ними, что он может, должен, намерен сделать и т.п. В речи часто используется синкретичный способ репрезентации соответствующего состояния, который, помимо собственно метакогнитивного значения, может выражать еще и разнообразные стилистические, аксиологические, модальные, функциональные, интенциональные, коммуникативные и др. смыслы: *И неотвязчивый лорнет Он обращает поминутно На тучей вид напомнил смутно Ему забытые черты* (А. Пушкин). Ср. «субъективно-поэтическую» интерпретацию внутренних состояний человека: *Поэта память пронеслась Как дым по небу голубому* (А. Пушкин).

Рефлексия и толкование «метакогнитивных» имен и предикатов

Показательно, что в толковании выражений с англ. *mind* содержатся компоненты, явно отражающие рефлексию субъекта над своими состояниями сознания [13]. Так, в толковании выражения *get sb / smth out of your mind* — «to stop yourself thinking about sb / smth» — рефлексия эксплицитно выражена при помощи фрагмента «stop yourself (thinking)»; в толковании выражения *put smth out of your mind* — «to deliberately try to forget about smth» — при помощи фрагмента «to deliberately try»; в толковании выражения *take your mind off smth* — «make yourself stop thinking about smth» — при помощи фрагмента «make yourself stop» (Longman).

Вербализация метакогнитивных состояний в речи и тексте

Вербализация метакогнитивных состояний и референция к ним в речи является неотъемлемым компонентом почти всех видов коммуникации и выполняет в них разнообразные функции:

— осознание, регуляция, контроль, прогнозирование, экспликация и т.п. текущих ментальных состояний, а также экстраполирование своих ментальных состояний на состояния другого участника коммуникации. Ср. *Не удивляйся: моя специальность — метаморфозы* (Бродский); *Скажите, — обратился он ко мне, — ну что вы об этом думаете?*

— осознание своих когнитивных состояний в прошлом, т.е. их ретроспективная интерпретация: *Я тогда и подумать не мог об этом*. Показательно, что некоторые состояния осознаются только ретроспективно: *Я искренне заблуждался, напрасно надеялся*. Пример: *А бывало, мы его вздумаем дразнить, так глаза кровью и нальются, и сейчас закинжал; Я, для развлечения, вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле; Я, глупец, подумал, что она ангел, посланный мне сострадательной судьбою* (Лермонтов. Герой нашего времени).

Отражая осознание субъектом (речи, знания и познания) своего текущего когнитивного состояния, языковые средства, содержащие в своем составе смысл «знать» или «считать (что Р)», позволяют ему, в частности, экстраполировать свои (мета)знания и мнения на когнитивные состояния другого участника коммуникации (ср. [19]), и, в частности, вынуждать производить его операции осознания (рефлексии) своих ментальных состояний. Ср. *Ты забыл, что обещал позвонить* и т.п. Примеры: *Он знал довольно полатыни, Чтоб эпитафьи разбирать* (А. Пушкин); *Когда-то я знал на память все краски спектра; И для меня ты был богом, поскольку ты знал о прошлом больше, нежели я* (И. Бродский); *Я знаю: он с болью своей не сладит, С горькой болью первой любви; Когда б вы знали, из какого сора Растут стихи, не ведая стыда; Беда случилась — ты ее познал; Теперь ты знаешь, что ни с чем на свете Ее нельзя сравнить и утолить* (А. Ахматова).

Субъект сознания способен при этом осознавать степень полноты имеющихся у него знаний и необходимость их получения, а также субъективность своего мнения: *Что ты о нем знаешь? Ты о нем что-нибудь знаешь? Я о нем кое-что знаю*. Выражения типа *Точно не знаю; Думаю, что ты прав, это интересно; Я так не считаю* и мн. др. — часто и естественно используются в речи и диалоге при обсуждении самых разных проблем

и свидетельствуют о том, что субъект речи постоянно обращается к операциям характеристики своих и чужих ментальных состояний. В художественном и поэтическом тексте апелляция к своим и чужим когнитивным состояниям является столь же естественной, как и в других видах коммуникации. При этом:

— формируются разнообразные коммуникативные модели и конструкции с заданной иллокутивной силой, ср. «Скажи мне, князь, не **знаешь** ты, Кто там в малиновом берете С послем испанским говорит?» (А. Пушкин. Евгений Онегин). *Когда б вы знали, из какого сора Растут стихи, не ведая стыда* (А. Ахматова);

— появляется возможность выразить разнообразные эмоции и чувства: *Сладко вспомнить за обедом Старый пламенный Париж* (А. Блок). Так, *знаю* часто используется как «усилительное» вместо *чувствую, уверен, думаю, надеюсь* и др.: *Я знаю, ты мне послан богом; Я знаю: век уж мой измерен; Теперь, я знаю, в вашей воле Меня презреньем наказать* (А. Пушкин. Евгений Онегин).

Знать, думать, понимать в повести «Герой нашего времени»

Диалогический режим

Из трех глаголов: *знать, думать, понимать* в повести М. Лермонтова «Герой нашего времени» *знать* в личной форме встретился 129 раз; *думать* — 132 раза: он самый частотный; *понимать* — всего 21 раз, половина из них — под отрицанием. Наименьшая частотность *понимать*, в частности, указывает, что «понимание» представляет собой серьезный умственный процесс, требующий усилий, объяснений и т.п.: «Понимание — это трижды знание — полученное в прошлом, имеющееся в настоящем и проецируемое в будущее; ср. *X понимает, что P* ≈ ‘X знает, что P; X знает это, потому что раньше он наблюдал подобные ситуации; X знает или представляет, что может произойти в связи с тем, что P’. Ср. *Я понимаю, что ничего изменить нельзя*. (При этом ни в одном толковом словаре нет толкования *понимать*; есть лишь перефразировки его значения через синонимы типа *постигать, осознавать, уяснить, уразуметь* и даже *обладать пониманием*)» [2]. Примеры:

Автору этой книги... было весело рисовать современного человека, каким он его **понимает**; Все трое принялись вытаскивать что-то из лодки; груз был так велик, что я **до сих пор не понимаю**, как она не потонула; Только **не понимаю**, право, в чем дело и как вы решите спор? Мы стали спускаться. **Не понимаю, как** я не сломил себе шеи; «Доктор, наконец я торжествую: вы меня **не понимаете!**»; Женщины! кто их **поймет**? То они в минуту постигают и угадывают самую потаенную нашу мысль, то **не понимают** самых ясных намеков; Между тем княжне мое равнодушие было досадно, как я мог догадаться по одному сердитому, блестящему взгляду. О, я **удивительно понимаю** этот разговор немой, но выразительный, краткий, но сильный! «Ты дурак!» — сказал он Грушницкому довольно громко, — ничего **не понимаешь!** Два казака... подняли раненого, но он был уже при последнем издыхании и сказал только два слова: «Он прав!». Я один **понимал** темное значение этих слов: они относились ко мне.

Метакогнитивные процессы и состояния могут быть выражены в языке не только прямо, номинативно, лексически, но и различными косвенными, свернутыми, имплицитными, формальными, грамматическими и т.д. средствами [9], а также образовывать конструкции с заданной иллокутивной силой. Так, диалогические конструкции с самым частотным глаголом — *думать* в «Герое нашего времени» могут выражать угрозу (1), уверенность (2), предвосхищение последующей реплики и ее выделение, например, в виде вопроса (3), предупреждение в виде отрицательной конструкции (4), упрека в виде противопоставления (5) и др.:

(1) Али **думаешь**, что мы с тобой не совладаем?

(2) Вы, я **думаю**, привыкли к этим великолепным картинам? — сказал я ему.

(3) Раз, для смеха, Григорий Александрович обещался ему дать червонец, коли он ему украдет лучшего козла из отцовского стада; и что ж вы **думаете?** на другую же ночь притащил его за рога.

(4) **Не думайте**, однако... чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков.

(5) Я **думал**, что ты мужчина, а ты еще ребенок.

Апелляция к текущим ментальным состояниям собеседника, а также их интерпретация и квалификация более чем характерна для диалогов разного типа (6, 7), а также для характеристики внутренних состояний собеседников (8, 9, 10):

(6) *Как ты думаешь, любит ли она тебя?*

(7) *Как вы думаете? Должны ли мы показать им, что догадались?*

(8) *Максим Максимович... примолвил, несколько подумав: – Да, жаль беднягу.*

(9) *Тут он начал щипать левый ус, повесил голову и **призадумался**.*

(10) *Она **призадумалась**, не спуская с него черных глаз своих.*

Глагол *думать* в нарративном режиме

Примеры из повести М. Лермонтова «Герой нашего времени»

В нарративном режиме характеристика метакогнитивных состояний действующих лиц и персонажей (в том числе животных!) выступает важным средством когезии текста, экспликации причинно-следственных отношений в нем (11—13), мотивации поступков (14), а также предположений относительно развития событий (15). Глагол *думать* при этом употребляется в целом ряде форм и конструкций, а также в сочетании со смежными метакогнитивными глаголами:

(11) *Вдруг передо мною рытвина глубокая; скакун мой **призадумался** — и прыгнул.*

(12) *В этот вечер Казбич был угрюмее, чем когда-нибудь, и я **заметил**, что у него под бешметом надета кольчуга. «Недаром на нем эта кольчуга, — **подумал** я, — уж он, верно, что-нибудь **замышляет**».*

(13) *Мне **вздумалось** завернуть под навес, где стояли наши лошади, посмотреть, есть ли у них корм...*

(14) *Казаки все это видели, только ни один не спустился меня искать: они, верно, **думали**, что я убится до смерти.*

(15) *«Будет потеха!» — **подумал** я и кинулся в конюшню.*

Предыдущие и последующие примеры показывают, что обдумывание, а также придумывание, «задумывание» и т.п. представляют собой важные типы действий и де-

тельности. Они органично вписываются как в ситуацию общения и ее интерпретацию, так и в решения что-то делать (16—19), а также выступают обязательным компонентом рассуждения (20—25):

(16) *Никогда себе не прощу одного: черт меня дернул, приехав в крепость, пересказать Григорию Александровичу все, что я слышал, сидя за забором; он посмеялся, — такой хитрый! — а сам задумал кое-что.*

(17) *Я вчера целый день думала, — отвечала она сквозь слезы, — придумывала разные несчастья: то казалось мне, что его ранил дикий кабан, то чеченец утащил в горы... А нынче мне уж кажется, что он меня не любит.*

(18) *Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!*

(19) *Она заплакала, думал, думал, чем ее утешить, и ничего не придумал.*

(20) *Думая так, я с невольным биением сердца глядел на бедную лодку.*

(21) *Я на минуту задумался.*

(22) *Он отвечал подумавши: — В вашей галиматье, однако ж, есть идея.*

(23) *Вы, может, думаете, что я пьян?*

(24) *“Это шутки Грушницкого!” — подумал я.*

(25) *Славно придумано!*

Можно отметить, что один из случаев употребления *думать* в повести «Герой нашего времени» не имеет однозначной интерпретации: — *Ты будешь танцевать?* — спросил он. — *Не думаю.* Хотя ясно, что в подобных случаях имеет место не только выражение сомнения, скепсиса и. п., но и уклонение от ответа и т.д. В целом можно сказать, что различные формы и конструкции с глаголом *думать*, равно как и с другими аналогичными глаголами и их производными, выступают важным инструментом «мониторинга», организации и «перспективизации» [23] коммуникативной, диалогической и «нарративной», деятельности.

Рефлексия и квалификация когнитивных состояний

Таким образом, рефлексия, которая носит сознательный характер и более всего свойственна таким специфическим «когнитивным» типам одновременно коммуникатив-

ной и интеллектуальной (познавательной) деятельности, как образование, наука и др. [13], свойственна и всем прочим видам коммуникации: социальной, межперсональной, художественной, поэтической и т.п. В этих сферах коммуникации лингвистические средства объективации рефлексии выполняют разнообразные дискурсивные и коммуникативные функции:

— целеполагания, ср. *не знать — задать вопрос* [10];

— характеристики, ср. *желание знать — любознательный* [11]. Примеры: *И ты сидел на скамейке, издали напоминая Обычного гражданина, измученного государством* (И. Бродский); *Дорога туда, естественно, лежала сквозь облака, Напоминавшие цветом то гипс, то мрамор* (И. Бродский);

— приглашения или вынуждения к сотрудничеству: *Сознайся, — тихо по-гречески спросил Пилат, — ты великий врач?* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

— предположения или опровержения: — *Нет, Григорий Данилович, не скажи, это очень тонкий шаг. Тут вся соль в разоблачении. — Не знаю, не знаю, никакой тут соли нет* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

— управления общением или развертывания сообщения, ср. *Помню древние ворота И конец пути — Там со мною шедший кто-то Мне сказал: Прости...* (А. Ахматова), и мн. др.

При этом рефлексия объективируется в языке и речи при помощи самых разнообразных лингвистических средств и часто задействует различные когнитивные механизмы концептуализации: метафоризацию, метонимию и т.п., которые более всего проявляются во фразеологии. Последнюю, в свою очередь, отличает экспрессивность, стилистическая маркированность, аксиологичность, модализованность и др.: *знать, как свои пять пальцев, вдоль и поперек, от А до Я; ловить на лету, узнать из первых рук; ясно, как день; запомнить намертво, вбить (себе) в голову, дырявая голова, делать из мухи слона, брать с потолка, сгущать краски, короткая память, смотреть сквозь пальцы* («не замечать») и мн. др. Они отражают «субъективное представление об объективном явлении»

нии», ср. также: *забыть vs. вылететь / выбросить из головы, помнить vs. зарубить себе на носу.*

В целом можно сказать, что рефлексия субъекта над своими когнитивными состояниями носит метауровневый характер, позволяет отличать метакогнитивные процессы и состояния от собственно когнитивных, включает как прототипические состояния, связанные с противопоставлением знания — незнания, запоминания — забывания и др., так и производный, более сложный характер, связанный с противопоставлением знания и мнения / интерпретации (точнее, с переходом от одного к другому и с их сочетанием и интеграцией). В языке и речи репрезентация как исходных, так и производных метакогнитивных состояний носит чаще всего синкретичный характер, что позволяет использовать соответствующие лингвистические средства в самых разных коммуникативных целях, ситуациях и сферах коммуникации. При этом различные конструкции, отражающие метакогнитивную рефлексию субъекта речи, выступают важным инструментом «мониторинга», организации и «перспективизации» [28] его коммуникативной, диалогической и «нарративной», деятельности.

Перспективность метакогнитивных состояний:

Асимметрия в оппозиции «знать» vs. «не знать»

Человек, воспринимая объекты, явления, события мира и другие его факты, пропускает их через «сознательный процесс рефлексии», в который «включаются эмоции и чувства человека» [6, 15]. Так что рациональные состояния сознания — знание, мнение, память и т.п., и их осознание — рефлексия — непосредственным образом связаны с эмоциональной сферой человека, с его коммуникативной деятельностью, межличностными отношениями, поведением, проявлением внутреннего мира человека и его характера в коммуникации. Пример: *Сомнения нет: увы! Евгений В Татьяну как дитя влюблен! vs. Кто ты, мой ангел ли хранитель, Или коварный искуситель: Мои сомнения разреши!* (А. Пушкин. Евгений Онегин). В этом отношении главным коммуникативным свойством метакогнитивных состояний выступает их способность задавать коммуникативную пер-

спективу высказывания: *Я помню чудное мгновенье Передо мной явилась ты* (А. Пушкин).

При этом состояния «знать» и «не знать» асимметричны относительно их связи с внутренними психологическими и эмоциональными состояниями, а также относительно экспрессивности содержащих их высказываний и развертывания последующего «текста»: осознание (рефлексия) текущего когнитивного состояния — особенно незнания, «отсутствия в памяти» и т.д. часто сопровождается эмоциональными переживаниями, и, соответственно, неуверенностью, ср. *не могу вспомнить, почти не знаю, почти не помню, не могу ничего вспомнить, никак не могу понять, как это произошло (почему так вышло); Не знаю, что и думать (как об этом сказать),* и мн. др. Поэтому выражения типа *Даже не знаю, что делать / как поступить* и т.п. составляют особые речевые действия — просьбу о помощи, обращение за советом, оправдание и т.п. Ср. — *И что же будет дальше? — Я не знаю. Я только знаю, что хочу домой. Хочу, чтоб обо мне заботились.* (Довлатов).

Таким образом, непосредственное отношение знания к эмоциональной сфере человека связано не столько с собственно знанием, сколько с незнанием — с отсутствием знания, с его неполнотой, неточностью, с осознанием «пробелов», проблем и т.п. Так, в результате осознания своего незнания говорящий может потерять эмоциональное равновесие, контроль над своим поведением, испытывать беспокойство и т.п., что может привести к усугублению эмоциональных переживаний различной «тяжести» — от аффекта до агрессии [15]. Соответствующая эмоциональная нестабильность может быть выражена и эксплицирована речевыми маркерами (ср. *говорить неуверенно, дрожащим голосом* и т.п.), названа (ср. *to hesitate, колебаться*) и описана. Она проявляется в экспрессивности и эмоциональности речи, может быть охарактеризована адресатом или наблюдателем, а также идентифицирована и квалифицирована ими или самим субъектом, часто ретроспективно, ср. *Жеманный кот, на печке сидя, Мурлыча, лапкой рыльце мыл: То несомненный знак ей был, Что едут гости vs. Ее сомнения смущают: «Пойду ль вперед, пойду ль назад?..* (А. Пушкин. Евгений Онегин).

Таким образом, исходные метакогнитивные состояния «знаю — не знаю» образуют бинарную оппозицию, где семантически «сильную» позицию занимает состояние «знаю» — благодаря своей прототипичности и значимости. Однако в коммуникативном отношении состояние «не знаю», помимо собственно рационального компонента, подразумевает целый спектр психологических и эмоциональных состояний и явлений: неуверенность, сомнение, растерянность, волнение, колебания, стресс, панику и т.п., т.е. эмоциональное *переживание* незнания и, тем самым, его связь с эмоциями. Примеры:

*Положение наше печально и затруднительно, и я не знаю, как быть! Не зная, как ответить на это, секретарь счел нужным повторить улыбку Пилата; Ни какая это была дама, ни который сейчас час, ни какое число и какого месяца — Степа решительно не знал и, что хуже всего, не мог понять, где он находится; Не зная, как поступают в таких случаях, Степа поднялся на **трясущиеся** ноги и пошел по молу к берегу; Увидев, что кто-то вошел, Анна Ричардовна вскочила, кинулась к бухгалтеру, вцепилась в лацканы его пиджака, стала трясти бухгалтера и кричать: — Слава Богу! Нашелся хоть один храбрый! Все разбежались, все предали! Идемте, идемте к нему, я **не знаю**, что делать! — и, продолжая **рыдать**, она потащила бухгалтера в кабинет* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Тогда как знание внушает уверенность, эмоциональную стабильность, уравновешенность и даже «повышенную активность» [ср. 15], коммуникативное «доминирование» и т.п.: *Все нормально. Я такие вещи **знаю** по себе* (Довлатов); — *Правду говорить легко и приятно, — заметил арестант. — Мне **не нужно знать**, — придушенным, **злым** голосом отозвался Пилат, — приятно или неприятно тебе говорить правду* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Асимметрия исходных элементарных смыслов «знаю» — «не знаю» проявляется естественным образом и в лексике, содержащей соответствующие смыслы: *помнить* — *забыть*, *подумать* — *раздумать*, *решительность* — *нерешительность*, *быть уверенным* — *колебаться*, *сомневаться*, *недоумевать* и мн. др. Так, в английском языке конструкции с эмотивными предикатами типа *looking doubtfully, hesitatingly replied, much troubled,*

replied doubtfully, puzzled, he hesitates, she felt undecided, less certain, gasped in astonishment, was not sure и т.п. указывают на «характер речевых поступков» и являются средствами выражения ситуации неуверенности, эмоциональной нестабильности и тревоги. При этом предикат *to hesitate*, например, репрезентирует внешнего наблюдателя в ситуации неуверенности, которым может быть как адресат, так и третье лицо, фиксирующее и интерпретирующее состояние говорящего субъекта: «Внешние, наблюдаемые признаки неуверенности свидетельствуют о двойственности ментального состояния» субъекта коммуникации [14, 215].

Именно подобные ситуации более всего привлекают исследователей в области современной когнитивной психологии в виду их большой практической значимости, так как отрицательная корреляционная связь метакогнитивных процессов с тревожностью иллюстрирует довольно известный факт негативного влияния тревожности на познавательную деятельность вообще, а также на прогностические и метакогнитивные характеристики личности в особенности [1].

Заключение

Интеграция рационального и эмоционального в коммуникации

В заключение следует отметить, что проблема изучения рефлексии является актуальной в целом ряде наук: психологии, когнитивных науках, педагогике и др. Ср. «Выявление и объяснение содержания взаимосвязи двух наиболее сложных процессов психики — мышления и рефлексии в целом, а также закономерностей рефлексивной регуляции мышления в особенности, является одной из фундаментальных общепсихологических проблем» [5, 306].

В фокусе современных когнитивных лингвистических исследований находятся вопросы о том, каким образом выражается внутренний мир человека в языке и чем обусловлен выбор тех или иных коммуникативных средств его языковой и неязыковой репрезентации. Так, материал проведенного лингвистического исследования показывает, что человек постоянно и в любых ситуациях обращается к «содержанию» своего знания, памяти и сознания. Состояния рефлексии субъекта речи к своим и чужим внутренним —

мыслительным, психологическим и эмоциональным — состояниям показывают, что эти состояния тесно между собой связаны; отражают естественную и даже обязательную и неотъемлемую для человека интерпретацию своих и чужих внутренних состояний; связаны не только с осознанием текущего внутреннего рационального и эмоционального состояния, но и с коммуникативным поведением.

«Метакогнитивная рефлексия» представляет собой естественный семантически и коммуникативно значимый процесс, маркерами которого выступают личные формы глаголов *знать, помнить, думать, понимать* и мн. др., а также их фразеологические «аналоги». Метакогнитивная рефлексия находит отражение в толковании соответствующих выражений и конструкций, что отражает ее объективный характер. В коммуникации она выступает средством задания перспективы высказывания. Исходные метакогнитивные состояния «знаю — не знаю» образуют противопоставление, где семантически «сильную» позицию занимает состояние «знаю» благодаря своей прототипичности и значимости. В коммуникативном отношении состояние «не знаю» асимметрично ему, так как, помимо собственно рационального компонента, подразумевает целый спектр психологических и эмоциональных состояний, связанных с *переживанием* незнания.

Таким образом, основные положения проведенного исследования можно кратко сформулировать следующим образом: 1. Рефлексия позволяет выделить и разграничить исходные и производные метакогнитивные состояния. 2. Исходным метакогнитивным противопоставлением выступает оппозиция «знаю — не знаю». 3. Рефлексия может быть отражена в толкованиях метакогнитивных предикатов. 4. В коммуникации рефлексия задает перспективу высказывания. 5. Оппозиция «знаю — не знаю» характеризуется коммуникативной асимметрией и показывает особенности интеграции рационального и эмоционального в коммуникации.

Н. Д. Арутюнова, сопоставляя различные виды модуса в книге «Язык и мир человека» [4, 432—338], особо отмечает «коммуникативную выделенность» модуса «знания», в частности, в его отношении к неопределенности, его способность выражать смысл «помнить» и «замещать» смысл «думать», его принципиальное отличие от модуса «не-

знания» и мн. др. Приведенный выше материал дополняет эти положения и показывает, что способы вербализации когнитивной сферы человека представляют собой важный в семантическом и коммуникативном отношении объект изучения.

Литература

1. Айке Д. Страх, тревога и тревожность. СПб. Питер. 2001.
2. Апресян Ю. Д. Смыслы 'знать' и 'понимать' в русской лексике. МГУ, 2018 // http://tipl.philol.msu.ru/application/files/8715/1990/2652/colloquium_Apresian.pdf.
3. Арутюнова Н. Д. «Речеповеденческие акты и истинность // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1993. С. 3—34.
4. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
5. Карпов А. В. Продуктивные и контрпродуктивные эффекты рефлексии в структуре мышления // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 20—24 июня 2016 г. Отв. ред. Ю. И. Александров, К. В. Анохин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 306–307 // <https://cogconf.ru/materialy-konferentsii/Abstracts%202016.pdf>.
6. Малинович М. В. Универсальные концепты и категории: проблема иерархии и взаимодействия в пространстве языка // Концепты. Категории: Языковая реальность: коллект. моногр. к юбилею профессора М. В. Малинович. Иркутск, 2011. С. 10—42.
7. Сиповская Я. И. Концептуальные, метакогнитивные и интенциональные дескрипторы интеллектуальной компетентности в старшем подростковом возрасте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 4. С. 22—31.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Издательство Питер. 2000 // <http://www.studfiles.ru/preview/326597>.
9. Рябцева Н. К. Ментальный модус: от лексики к грамматике // Логический анализ языка. Ментальные действия. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., Наука, 1993. С. 51—57.

10. Рябцева Н. К. Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1999. С. 119—137.
11. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М., Academia. 2005.
12. Рябцева Н. К. Метакогнитивные состояния в языке, речи и познании // Научный диалог. 2017, № 5. С. 83—95.
13. Рябцева Н. К. Язык и метазнание: когнитивно-дискурсивный аспект // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXII. В поисках смыслов языка: сб. науч. тр. в честь 90-летия Е. С. Кубряковой. Отв. ред. О. К. Ирисханова. М.: ИЯз РАН; Тамбов: ИД ТГУ им. Г. Р. Державина. 2018. С. 110—117.
14. Топка Л. В. Эмотивный предикат как средство репрезентации константы внутреннего мира человека // Вестник ЛГУ им. Пушкина. Серия Филология. Санкт-Петербург: ЛГУ, 2015, № 3. Т. 1. С. 210—217.
15. Топка Л. В. Трехаспектная вербализация эмоциональной нестабильности субъекта речи // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIX. Тамбов, 2017. С. 724—731.
16. Холодная М. А. Понятийные, метакогнитивные и интенциональные способности как ресурс интеллектуального развития // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 20—24 июня 2016 г. Отв. ред. Ю. И. Александров, К. В. Анохин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 714—715.
17. Brown, A. L. Metacognition, executive control, self-regulation and other more mysterious mechanisms // Metacognition, Motivation, and Understanding. Ed. by F. E. Weinert, R. H. Kluwe. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1987. P. 65—116.
18. Emelin, A. A. Resource function of conceptual and metacognitive abilities in adolescents with different forms of dysontogenesis // Psychology in Russia: State of Art. 2015. № 4. P. 8—21.

19. Engel, D.; Woolley, A. W., Jing, L. X., Chabris, C. F., Malone, T. W. Reading the Mind in the Eyes or Reading between the Lines? Theory of Mind Predicts Collective Intelligence Equally Well Online and Face-To-Face. PLoS ONE. 2014. № 9 (12): e115212.
20. Flavell, J. H. Metacognitive aspects of problem solving // The Nature of Intelligence. Ed. by L. B. Resnick. N.Y., Hillsdale, 1976.
21. Flavell, J. H. Metacognition and cognitive monitoring: A new era of cognitive developmental inquiry // American Psychologist. 1979. Vol. 34 (10). P. 906–911.
22. Hartman, H. J. Metacognition in Learning and Instruction: Theory, Research, and Practice. Kluwer Academic Publishers, Dordrecht, The Netherlands, 2001.
23. Linnel, P. Perspectives, implicitness and recontextualization // Perspective and Perspectivation in Discourse. Ed. by C. F. Graumann, W. Kallmeyer. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 41–57.
24. Metcalfe, J. Evolution of metacognition // J. Dunlosky, R. Bjork (Eds.). Handbook of Metamemory and Memory. N. Y.: Psychology Press. 2008.
25. Papaleontiou-Louca, E. Metacognition and Theory of Mind. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing. 2008.
26. Schooler, J. W., Smallwood, J., Christoff, K., Handy, T. C., Reichle, E. D., & Sayette, M. A. Meta-awareness, perceptual decoupling and the wandering mind // Trends in Cognitive Science. 2011. 15, P. 319–326.
27. Tobias, S., Everson, H. T. Knowing what you know and what you don't: further research on metacognitive knowledge monitoring // College Board Research Report 2002–3, New York, 2002.
28. Verhagen, A. Construal and perspectivation // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 48–81.